

**юрий
ВЛОДОВ**

люди
и боги

юрий влодов

к 80-летию со дня рождения

Поэтическая библиотека

Серия основана в 1993 году

ЮРИЙ ВЛОДОВ

ЛЮДИ И БОГИ

МОСКВА 2012

УДК 821.161.1-1
ББК 84Р7-5
В57

дизайн серии
Валерий Калныньш

Влодов Ю. А.

В57 Люди и боги. — М.: Время, 2012. — 96 с. — (Поэтическая библиотека).

ISBN 978-5-9691-0795-3

Одна из самых известных политических шуток «Прошла зима. Настало лето. Спасибо партии за это!» — принадлежит Юрию Влодову (1932—2009). Но эти строки не дают представления об истинном творчестве поэта и масштабе его дарования. Юрий Влодов — поэт-философ, монументальный, трагический поэт своей эпохи. «Люди и боги» его главная книга, где действующими лицами являются библейские персонажи. Влодову удалось создать такие поэтические картины, которые по своей силе и живописности стоят на одном уровне с творениями великих мастеров прошлого. По словам А. И. Солженицына «Мощь этого поэта в том, что он идёт не от книг, а от самой жизни и потому, несмотря на вневременные темы, всегда современен».

ББК 84Р7-5

ISBN 978-5-9691-0795-3

9

785969 107953

© Юрий Влодов, наследники, 2012

© Л. М. Влодова, составление,

сопроводительная статья, 2012

© «Время», 2012

ОБ АВТОРЕ

Юрий Александрович Влодов родился 6 декабря 1932 года в Новосибирске в театральной семье. Отец — Влодов Александр Захарович — был театральным режиссёром, мать — Надежда Борисовна Надеждина — актрисой. В детские и юношеские годы поэт пережил войну, оккупацию, эвакуацию.

Писать стихи начал рано. И только в конце пятидесятых решил съездить в писательский посёлок Переделкино, где ему удалось показать свои сочинения Илье Сельвинскому, Борису Пастернаку, Корнею Чуковскому. Знаменитым мэтрам творчество молодого поэта пришлось по душе, они прочили Юрию Влодову большое литературное будущее. В 1967 году в журнале «Смена», с предисловием Ильи Сельвинского, была опубликована подборка стихов Влодова, за которую он получил диплом лауреата журнала.

Но литературная карьера у Юрия Влодова не сложилась, слишком острыми и необычными для того времени оказались его стихи. К некоторым из них прилепили ярлык антисоветских. Ставшие в годы тоталитарного режима крылатыми строки: «Прошла зима. Настало лето. Спасибо партии за это!» — принадлежат Юрию Влодову. Поэт открыто выступал со своими стихами перед большими аудиториями, чем привлёк внимание соответствующих органов. После этого он попал в «чёрный список» и судьба его была предreshена.

В годы застоя Влодов печатался редко, и даже если и публиковался, то, в основном, не в литературных, а в отраслевых и региональных изданиях. После перестройки ситуация изменилась мало. Но всё-таки ему удалось, напечататься в журна-

лах «Сельская молодежь», «Юность», «Дружба народов», «Дети Ра», в «Литературной газете» и «Московском комсомольце». Также произведения Влодова стали появляться в литературных альманахах и сборниках. Но первая авторская книга «Крест» вышла только в 1996 году в издательстве журнала «Юность».

Творчество Юрия Влодова разнообразно: он написал большую книгу стихов о войне, книгу «Портреты» (на историческую тематику), много лирических, иронических и философских стихов и поэм. Но главная книга Юрия Влодова — «Люди и боги», объемистая эпопея о взаимоотношениях Бога и человека, о борьбе добра и зла в душе человека. Он работал над ней всю жизнь. К сожалению, эту книгу приходится впервые издавать только сейчас. Была, правда, 20-страничная брошюра, выпущенная тиражом 50 (!) экземпляров.

Судьба поэта настолько необычна, что его имя буквально овеяно легендами. О Юрии Влодове снято два фильма: «Я Вам пишу, Ваше Величество» (телефильм, канал РТР, 1992) и кинофильм «А гений — сущий дьявол!» (кино-видеостудия «Человек и время», 1995).

О жизни и творчестве Влодова немало статей написано пермским поэтом и журналистом Юрием Беликовым. Известный поэт и публицист Равиль Бухараев, который жил и работал в Лондоне, написал о Влодове большую статью под названием «Я — жизнь твоя!» для поэтического сборника Влодова «На семи холмах» (2009). Это было первое издание в твёрдом переплёте, представившее стихи из разных книг. В ноябре 2008 года — спустя более сорока лет (!) после первой публикации Влодов стал членом Союза писателей Москвы. Был женат на поэтессе Людмиле Осокиной (Влодовой).

Юрий Влодов умер 29 сентября 2009 года.

Тимур Зульфикаров

ПЕРВОСВИДЕТЕЛЬ

Фрагменты эссе

Юрий Влодов — поэт-скиталец. Рыцарь поэзии. Он скитается, странствует блаженно и хмельно среди друзей, врагов (не различая, впрочем, их от великой любви), городов, жён, любовниц, детей, учеников и учителей. И среди завистливых поэтов!.. Когда с ним общаешься — чувствуешь, что имеешь дело скорей с Духом, чем с плотью... Он смотрит сквозь тебя куда-то вдаль...

Быть может, он великий, безвестный, катакомбный поэт!

Его не печатали при коммунистах, не печатают (почти) при демократах.

Истинных поэтов не любит всякая власть. Но более всего их не любят сами поэты и графоманы! Они-то и создают великие и тайные плотины на реках поэзии. Они-то и не пускают в одинокое житьё-бытьё поэта блудную госпожу Славу.

Ах, на Руси — Слава — плачя, рыдающая над гробом!

Ах, но древние, еще до Руси Святой говорили: «Слава — солнце мёртвых!»

Ах, но древние китайцы говорили: «Истинный мудрец незаметен... Говорящий — не знает. Знающий — не говорит...»

Но! Главные скитания поэта Влодова — это скитания между Ветхим Заветом и Новым Заветом! Когда его кличут от Стены Плача или с великих, осыпчивых библейских пустынь его верблюжьки, иудейские, многострастные, многомудрые предки — он уходит в скрижали Ветхого Завета и тонет в неистовых песках! (Я вспомнил чью-то строку: «Верблюд двугорбый — знак песчаного Потопа!»)

Когда его нежно и тонко кличут из забытых или полузабытых все-снежных погостов его русские предки, бездонно кроткие заволжские

старцы-мудрецы — он тонет в лучезарных снегах, в которых вечно и свежо (увы!) стоит Крест Христа, ослепшего от снега, которого Он иль вообще не видел, иль не видел в таком свирепом изобилии...

О поэт! Божий странник, скиталец, кочующий меж двух Заветов!

Вот только что он брёл в пустыне с Моисеем и покушался на диалог с самим Господом!.. И вот уже он — первосвидетель страшного Распятия и стоит на Голгофе поодаль от Марии Магдалины...

Классический читатель скажет, что хмельная муза иной раз уносит нашего поэта в дебри ереси и дьявольщины.

Но кто из поэтов не бродил там? Иль Данте заживо не был в аду? Иль Гёте не беседовал с Сатаной? Иль Булгаков не общался?.. Увы! Всякое искусство насквозь живёт грехом, питается от греха. И эта мысль сгубила Гоголя как человека, а Толстого как художника. Мыслитель убивает поэта.

Быть может, Господь и послал грешных поэтов в мир, чтобы они свидетельствовали о недоступной чистоте храмов, как царская форель свидетельствует о чистоте вод?..

И вот чеканные, магические, трагические строки Юрия Влодова преобразуют даже блатное, рваное слово в высокий, небесный Божий Глагол. Так розовый куст преобразует навоз в розу. Юрий Влодов создает свой миф о Моисее, о Христе, о Божьем замысле и промысле.

Таков сладкий и страшный удел трагических поэтов... Они хотят быть первосвидетелями главных событий в жизни человечества. Они, гордецы, хотят говорить с самим Господом, минуя Пророков... Иль из такого теста, из такой вопиющей глины Господь и лепил своих пророков — апостолов, провидцев, поэтов?.. кто знает...

Но вот перед нами такой поэт!

Послушаем же его новые гимны...

Быть может, их лучше бы высекать на камнях и скалах, а не на брэнной бумаге...

ЛЮДИ И БОГИ

ПРЕДКНИЖЬЕ

«Я заглянул в зеркало Бытия...»

Я заглянул в зеркало Бытия...
Прозрачный звон слегка коснулся слуха...
Чу! — за спиной стояла побируха!
«Ты — Смерть моя?» — едва промолвил я.
«Я — Жизнь твоя...» — прошамкала старуха.

— Кто толчётся у дверей
Шито-крыто, как еврей?
Кто там круть да верть?
Ты, подруга Смерть?

— Не боись, что я с косой,
Не дичись, что глаз косой...
Я не Смерть, а Жизнь!..
Что, признал, кажись?!.

* * *

Мне назойливая муха надоела,
До отвала попила меня, поела
И над ухом, ненасытная, жужжит...
Мне противно, я устал, как Вечный жид.

Кто-то сзади кашлянул и молвил глухо:
«Отче правый! Ну какая это муха?
Вас слушаешь — хоть со смеху ложись!
Это Жизнь, мой неразумный! Это — Жизнь!»

* * *

Бурый ворон! Пропащая птица!
Сердце сковано высью.
За веками размыта граница
Между смертью и жизнью...

Жизнь — долга. Да и степь — не короче.
Страшен крест милосердья!..
Смертной плёнкой подёрнуты очи...
Пропадёшь от бессмертья!

* * *

Я ворону крикнул: «Здорово, старик!»
Но ворон степной не услышал мой крик.

Я крикнул утёсу: «Здорово, старик!»
Гранитного слуха не тронул мой крик.

Я солнышку крикнул: «Будь славен твой век!»
И ветер ответил: «Молчи, человек!»

* * *

Вечная тема моя —
Зеркало, ворон, змея.

Стало быть, в этом я — спец
(Зеркало. Ворон. Слепец).

Мёрзну под лестницей я
(Зеркало... Ворон... Змея...).

Хрупаю постный супец
(Зеркало. Ворон. Слепец).

Сыто глумятся друзья
(Зеркало, ворон, змея).

Дарит монетку скупец
(Зеркало! Ворон! Слепец!).

Спит Магдалина моя...
Зеркало... Ворон... Змея...

* * *

Обшарпан и нелеп, как силосная башня,
Незрячий спросил: «А что там, за холмом?»
Чур, знаю — не скажу. Но, ежели с умом,
Не всё ли нам равно, а что там — за холмом? —
Не ведает никто... Наверно, просто — пашня...

* * *

«Как хороша над морем лунность!» —
Вздыхала юность.

«Я пью за дружество и смелость!» —
Басила зрелость.

«Умрётё все!» — глотая ярость,
Шипела старость.

* * *

Среди катастроф и смещений
И прочих космических дел
Витает лирический гений, —
Какой допотопный предел!

Осины осенняя алость...
Овражек звенит ключево...
Попробуй убрать эту малость,
И в Космосе нет — *ничего*.

* * *

Считай судьбу наукой! —
Чу! — средь ночных миров
Ты подтверждаешь мукой,
Что жив ты и здоров.

Ты должен свежей болью
Примять былую боль,
Присыпать раны солью...
Не в том ли жизни соль?!

* * *

Торчало солнце смешным бутром.
Был лес, как витязь, рекой обвязан.
Но в ясном небе прогаркал гром:
«Рождённый ползать — взлететь обязан!..»

Рванулся к небу ползучий гад!
Прижала гада земная сила!
Цикады прянули наугад...
Лягуха в травах заколесила...

Не дай нам, небо, земных наград!

Со скоростью света наука
Ворвётся в трёхтысячный год.
А древность со скоростью звука
Конечно же, в Лету падёт.

Но ты содрогнёшься, потомок,
Когда через сердце твоё
Державинской оды обломок
Пройдёт, как живое копьё!

Судьба Венере обрубила руки,
Чтоб не ласкала смуглого подпaska,
Чтоб не хлебнула бабьего позора,
Чтоб не стонала: «Я — твоя рабыня!..»

Венера ударила бога! —
За то, что лобзался убого.

Венера ударила чёрта! —
За то, что терзал неpritёрто.

За вечные женские муки
Отсохли Венерины руки.

* * *

Старец говорит: «Каменею, терпя.
Чувствую земной холод».

Дева говорит: «Полюбила б тебя,
Если бы ты был молод».

Дева говорит: «Грудь от жажды горит!..
Перейми мою жажду!..»

Старец говорит: «Нас луна укорит.
От её луча стражду».

Старец говорит: «Что такое Господь?!
Утро нам сулит муку».

Дева говорит: «Погаси мою плоть...
Положи на грудь руку...»

Дева говорит... Старец говорит...
Брачный небосклон синим льдом горит...

Ледяная близь!.. Ложе!..
Как смертельна жизнь!.. Боже!..

*Причастный тайнам,
плакал ребёнок.*

А. Блок

Природы звериного слуха
Коснулся полночный покой,
Когда серебристое брюхо
Провисло над чёрной Окой.

Сопели зубатые в норах,
Храпели подпаски в кустах,
Солдаты, хранящие порох,
Клевали на энских постах.

И только презренная рыба,
Брыластый, напыщенный сом,
Как некая гибкая глыба,
Возникла в свеченье косом.

И молча вбирали друг друга,
К сторонним делам не спеша,
Душа серебристого круга
И спящей планеты душа.

А в куче пахучих пелёнок,
В лесной деревеньке Сычи,
Причастный всем тайнам ребёнок,
Заухал, зашёлся в ночи!..

Алкаш в этот вечер не принял ни грамма.
Развратник постился под сводами храма.
Безрукий до хруста постельницу стиснул.
Безногий притопнул и дико присвистнул.
Немтырь проорал мировую хулу.
Слепец в поднебесье заметил юлу,
Манящую смутным небесным приветом,
Воспетую неким бездомным поэтом...
А мудрый прохожий решил, что она —
Всего лишь луна...

Пустыню искрами осыпал НЛО!..
Ночная мгла забилась, как в падучей!..
Запела Соломоновой пастушкой!..
Заплакала подраненным ребёнком!..
Разбойником безбожным рассветалась!..
Крысиный писк растаял в пыльном небе...
Сухая пыль осыпалась во тьме...

Иуда от подземного толчка проснулся,
Замычал от скотской боли,
Опёрся на руки: о-о! Два тупых гвоздя
Торчали в очугуненных запястьях!
Хотел вскочить: о! каждая ступня
Пылала, точно чёртово копыто! —
Как если б капли олова прожгли
И шкуру, и растянутые жилы!..

Он силло возопил: «Я трижды прав!
Ты — лицемер! Ты — подлый искуситель!
Трусливый и разнузданный ханжа!..»
И рухнул, омываясь липким потом,
И тёрся лбом о скомканное ложе...
Заметил на подушке — кровь, не пот,
Кровь, а не пот! И потерял сознание!..
И захрипел... И где-то взвыл кобель...

Я счастлив, мой тринадцатый апостол!
По-школьному незрячая любовь...
Прощаю слепоту и глухоту,
Твой бред ночной улыбкой отгоняю,
Целую руки исказнённые твои,
Ступни твои дыханьем охлаждаю...
К тому же не забудь, что НЛО,
Лишь плоская вселенская тарелка
Из плоских местечковых анекдотов!
А я — увы! — программа НЛО! —
Я — вымысел носатого народа!
А разве можно вымысел предать?
И нет гвоздей в твоих запястьях детских...
И ноженьки усталые стройны...
Спи, мой дружок, всё будет хорошо!
А я подсяду к старому торшеру
И закурю. И всё начну сначала.

Пустыню искрами осыпал НЛО!..

ГОМЕР, БЕТХОВЕН, ПРИРОДА И АВТОР

*Природа слепа,
Как всевидящий мастер Гомер.
Природа глуха,
Как всеслышащий мастер Бетховен.*

Гомер — незряч. От жизни отлучён.
И потому Христа провидит он.
Он только написать его не смеет
(Быть может, и захочет — не сумеет...)
Христос на раны круто сыплет соль,
Черны речей подземные ключи,
Вокруг него растёт из боли боль,
И в страхе суетятся палачи.

Бетховен, так сказать, безбожно глух!
А потому имеет высший слух!
И он импровизирует Христа...
Журчат речей арычные ключи...
Душа Христа — расхристанно проста,
И от души смеются палачи!..

Слепа, глуха, но дерзостна Природа! —
«Пришелец тот был неземного рода!
Не зря трещали сполохи в ночи!..
Всё было, есть и будет — под вопросом!..
Но знайте: под мистическим гипнозом
Бессмертный крест вбивали палачи!..»

А где же Автор? — что добавит он?..
...Родился я и погрузился в сон...

Я был своим рождением изнурён и усыплён...
Судьбы моей орбита мерцала, как молочная река...
Но видел я — сквозь веки — сквозь века —
Тебя, иконописная доска! —
Безвольное лицо гермафродита
С отметиной проказной у виска!..
И он предостерёг меня перстом!..
И понял я!.. Но это всё — потом...

* * *

Над пышностью искусств, над сухостью наук,
Как будто где-то вне... в абстракции... вдали...
Вселенство во плоти, настырно, как паук,
Сосёт из года в год живую кровь Земли...
Спаси людей, любовь, от непотребных мук! —
От жизни исцели! — от смерти исцели!..

КНИГА ПЕРВАЯ

«Явился Бог средь бела дня...»

Явился Бог средь бела дня:
— Пойдёшь ли, краля, за меня?!
Смотри: я молод! я пригож!
На кузнеца лицом похож.
А что в глазах не тот привет,
Так это, краля, лунный свет!
Ну как?..

— Пошла бы я шутя-любя,
Да ласка рыба у тебя!
Не замилуешь у ворот,
Не уведёшь за огород...
Ведь ты не парень, ты — Господь!
А нам нужна живая плоть,
Вот так...

Слегка нахмурился Творец:
— Давай брататься! Эй, кузнец!
Смотри: я молод! я пригож!
И на тебя, заметь, похож!
А что в руках не тот привет,
Так мне ведь чёрт-те сколько лет!..
Ну как?..

— Сбратался б я, шутя-любя! —
Порода рыба у тебя.
Ухватки нет, смекалки нет,
Как за тебя держать ответ?
Ты — не товарищ, ты — Господь,
А мне нужна мужичья плоть,
Вот так...

Бог неба, суши и морей
Пришёл к худой избе:
— Стань, бабка, матерью моей,
Возьми меня к себе!..

Старуха выдохнула: — Ох!..
Старуха вымолвила: — Бог!
Твоя святая власть...
А я к тебе, мой голубок,
Почти что собралась...

В кювет присел усталый Бог,
Как старый инвалид,
И начал щупать левый бок —
Не сердце ли болит?

Но не нащупал ничего,
И понял он тогда,
Что нету сердца у него,
И в том его беда.

Тут впору б душу опростать —
А где слезу добыть?

Да, человеком трудно стать!
Уж проще Богом быть!

В глуши веков какой-то бог —
Душа загадочного неба,
Сошёл в селенье — нищ, убог,
И попросил питья и хлеба.

«Ха-ха!..» — затопал круг мирской, —
Добоговался! ...Догрозился!..»
И непристойный жест мужской
В глазах прищельца отразился.

«Всё так, — подумал бог в ответ. —
Зря херувим принес тревогу.
Очеловечен белый свет,
И — слава Богу!»

Но понял бог вторым нутром,
Что сам попал в свои же сети,
И хмыкнул, явно не с добром:
«Сочтёмся, дети!..»

Но третий голос тут как тут:
«Пусть божьи молнии не реют!
Прости землян — они растут! —
Авось — дозреют...»

Господь смиренно взор скосил,
И встал в своей одежке жалкой,
И приказал, как попросил:
«Не бейте палкой!..»

И заскучал — внезапно, вдруг,
И на глазах землян разросся,
И как рассёк, раздвинул круг!..
И воспарил!.. Исчез!.. Вознёсся!..

* * *

В порыве человеческой простоты
Пристали к Богу: «Всё ли знаешь ты?!»
Бог отрубил: «Не знаю *ничего*».
И — прокляли! И плюнули в него!
И бросили убойные камни!
Но небо обозначило знаменье:
Младенец, опоясанный змеей,
В слепых слезах явился над землёй!

И накатилося глыбой с высоты:
«Что
 знаешь
 ты?..»

Поставили Богу дурманный поднос.
Эфирное зелье ударило в нос!..
Он поднял гранёный священный бокал
Как раз над Сибирью, над скопищем скал:

«Я пью за великий земной поворот:
Пусть правит планетой великий народ!
Великая правда! Великая ложь!
Великие реки! Великая рожь!..»

И выпил Всевышний... И бросил бокал...
И в громе родился священный Байкал!..
В движенье и ропот моторы пришли,
И ангел, как робот, налёт на рули...

И ангел подумал, свивая спираль:
«О, как ты наивен, всезнающий враль!»

Два близнеца — Господь и Сатана
Хлебнули в полдень тёплого вина.
Господь размяк... Залёт среди сонных трав...
«Прости, мой брат! — во многом я не прав...»

Взор Сатаны окрасился слезой,
Рыгнул — и даль откликнулась грозой!..
Костлявой лапой стукнул по груди:
«Прости, мой брат! Ругай меня, суди!
Дышу, живу... а как, спроси, живу?!»
И головой склонился на траву...
И братский храп потряс земную тишь...
И замер мир, как пуганая мышь...

В сей плоской басне есть двойное дно:
Не пейте в полдень тёплое вино!

Дьявол хмыкнул и упёрся в два бока:
«Ты пошто, Поэт, расспросами неволишь?!
Я — дурное настроенье Бога!
И не Господа, а Боженьки всего лишь!

Эх, Поэтишка! Слезливое око!..
Душу рабскую нитьём не обезболишь!
Ты — дурное настроеньеце Бога,
И не Господа, а Боженьки всего лишь!..»

Хрупка, пуглива Богородица,
А сын шустёр, как ванька-встанька...
Но рядом — карлица, уродица,
Кормилица, заступа, нянька.

Постичь ли: ватка, мази, марлица?
Ах, и пелёночка сырая!..
Но рядом — ведьма, злюка, карлица,
Сестра богов, хозяйка рая.

Когда всосала водяная яма
Весь белый свет, все тяготы его,
Последний ангел захлебнулся: «Ма-ма!..»
Последний демон задохнулся: «Ма-ма!..»
И — на земле не стало никого...

И только лучик нынешней звезды
Коснулся той, ниспосланной воды...

Гром возревел: «Постигни, но умри!..»
И Ной увидел в треснувшей волне,
Как в искажённом зеркале времён,
Иной потоп!.. Совсем иного Ноя!..
Успел подумать: «Боже! Это — круг!..»
И — захлебнулся...

Ной поджался... Уподобился лисе...
Повозился и забылся... И увидел
Человечка на летучем колесе
И заплакал, словно Бог его обидел...

И поплыл он по планете водяной...
И отдался он и холоду, и зною...
«Слышал, видел и — молчу!..» — взмолился Ной.
«Слышал, видел и — молчи!» — сказали Нюю.

И душу, и тело недугом свело!
Лицо уподобилось роже!..
И стало в глазах от страданий светло!
И крикнул несчастный: «О Боже!..»

Но грохот сорвался в немереной мгле,
И эхо взревело сиреной!..
«Хо-хо!..» — пронеслось по родимой земле...
«Ха-ха!..» — понеслось по вселенной...

Сын плотника, придумавшего крест,
Скрипучие качели для Вараввы,
Равно и для бродяжки-мудреца...

Сын плотника, не жадного на гвозди...
Сын плотника... возможно, что и сын...
Вот был ли плотник плотником?..
Едва ли...

* * *

Когда Христос, иль кто он там ещё,
Готовился принять земную кару,
Он как бы уподобился Икару,
Свой птичий лик склоняя на плечо.

Он хищно улыбнулся нам с креста,
Когда рабы вколачивали гвозди...
Мы, в этом мире, все Христовы гости,
Хотя, по сути, не было Христа.

КНИГА ВТОРАЯ

«Я думаю, Иисус писал стихи...»

Я думаю, Иисус писал стихи.
Плёл сети из волшебной чепухи...
А жизнь Христа — была душа поэта...
Иначе — как? откуда бы всё это?..

В кругу слепых, болезненных племён
Он, как слепец, питал себя обманом...
И не был ли Иуда — графоманом? —
Неузнанным Сальери тех времён?..

Гремучей змеей изогнулся Иисус:
«Что значил без Евы Адам?!
За стон Магдалины, за потный искус,
Я всех вас предаю и продаю!..
Чиста ли в разбитом колодце вода? —
Колодец зацвёл и протух...
А жажда придушит: лакай, — не беда!»
Иудина плоть прошептала: «О да!»
«Умри!..» — воспротивился дух.

* * *

Как любила Христа Магдалина!..
Извивалась под грязным плащом,
Улыбалась похабно и длинно
И толкала Иуду плечом...

А пустыня, в предчувствии чуда,
Обмирала и куталась в хмарь...
Как любил Магдалину Иуда!..
Как ласкал Магдалину Иуда!..

Как терзал неподкупную тварь!..

* * *

Когда тащила римская военщина
Хмельную Магдалину под кусты,
Она упёрлась, в ней восстала женщина
Почти непостижимой чистоты.

Она вскричала: «Эти груди тленные
Сам Божий Сын вылизывал, как пёс!..»
Услышал Некто. Сплюнул во вселенные
И оскорбился, видимо, всерьёз.

И тут же застучали топоры
До срока, до положенной поры.

И, устрояя глупого Христа,
Над миром воспарила тень креста.

И топнул Яхве: «Встань! Очнись, плебей!
Яви, Иуда, преданность сыновью!.. —
И страшно крикнул: — Выродка убей!..
Убей урода! — и упейся кровью!..»

*Друг друга предали...
И — сразу легче стало.*

Иуда — горяч и смугл —
Шагал из угла в угол,
Шагал из угла в угол,
Терзал запотелый ус!..
А мысль долбила по нервам:
«Успеть бы предать первым!
Суметь бы предать первым!..
Пока не предал Исус!..»

* * *

Переплелись пути добра и зла:
Святой продаст святейшего под мукой.
Пастух — и тот вонючего козла
С пахучим агнцем спутает под мухой...

Над Иудеей — огненный клубок,
Вокруг пески, шипящие, как щёлочь...
И чёрт-те знает, кто там — полубог,
А кто, простите, — завтрашня сволочь!..

* * *

Есть версия о том, что у Пилата
Была ума казённая палата.

Пилату доложили: «Ученик
Учителя запродам». Тот сказал:
«Ученика повесить как собаку! —
И, уходя, добавил: — Я — солдат».

И много лет протяжно пахнет псиной
То дерево, что мы зовём осиною.

ИУДОВА БАЛЛАДА

Вот еврей еврея продал,
В кошелёк награду ссыпал,
Летний дождь на землю выпал,
А казнённый — душу отдал.

Но пока ещё казнённый
Испускал глухие вздохи,
Этот самый награждённый
Мыслил так: «Дела неплохи,

Даже очень. И покуда
Живо кесарево слово,
Будет жить еврей Иуда —
Страж спокойствия земного».

И с чего нам бить тревогу? —
Невредимо, слава Богу,
Наше собственное тело...
А безбожный — душу отдал!..

И кому какое дело,
Что еврей еврея продал?!

Иуда взял бездарно — серебром.
Сбил цену на предательство людское.
И праведный над ним разверзся гром!
А взял бы золотом — хоть помер бы в покое.

Всё скрестилось. И Спаситель поднял голову,
Желчным оком разжигая произвол.
Как секирой по расплавленному олову,
По глазам первосвященников провёл.

«Разве истина в кровавой человечности?!
Ха! — явились на позор, как на парад!...»
И таилось в предвечерней лунной млечности
Ухо Богово — округлый аппарат...

Покатилась иудейская история
Каплей крови по Господнему ребру...
И, похожие на пепел крематория,
Пейсы старцев трепыхались на ветру.

ИНОМИРЕЦ

Триптих-гипотеза

*Иномирцу тесно во Христе, —
Еле уместился на кресте.*

1

Над Иудеей, прокажённой и святой,
Над человеческой срамотой и суетой,
Провисло корабля мерцающее дно,
И тучей грозовой окуталось оно.
И псевдобога тяжеленная рука
В миг расставанья по-отечески легка.
И псевдочеловек, прекрасный и нагой,
На огненный песок ступил босой ногой...
И хлынул ливень...

2

— Я — сын Господен! — что тебе во мне?!
— Нет, погоди. Однажды на войне
(Когда ещё у кесаря в опале
Я не был) мы в шатре походном спали.
И я спросил: как долог римский век?
Ответил кесарь: «Мир стоит на страхе!
Но помни: розы не растут на прахе!..»
Мне жаль его... Он слабый человек...
А я живуч, коварен и силён.
Мой череп слишком густо заселён

Идеями, угодными судьбе.
Моя удача — кроется в тебе!
Смирись, мой сероглазый пьедестал!..
— Прости, Пилат! — я так от вас устал!..
— О, мудрый плут! Я верю в наш венец!
Легенда есть, но надобен конец! —
Эй, стража!..

3

Что видел Ирод? — только молнию в пыли...
Что слышал Понтий? — только бабий стон земли...
Взглянул с креста Христос на космолётный след,
И сам закрыл глаза. На много тысяч лет.

КНИГА ТРЕТЬЯ

«Едет Спаситель на драном осле...»

Странные слухи о странном после:
Хохот и гогот в народе посеяв,
Едет Спаситель на драном осле,
Едет Спаситель спасать фарисеев...

Пьяным народом гоним и храним,
Ногу поставил в тряпичное стремя...
Бог на осле! И, как крылья, над ним
Пагубно свищут Пространство и Время!..

Из песков — жара утробья
Смертной тяготой томит.
И ледовые надгробья
Чужеземных пирамид.

Над загадочным Египтом
Солнца сплющенный вопрос.
И божественный постскриптум:
Ослик, Дева и Христос.

* * *

Такая жуть, такая дичь в пустыне,
Что дьяволом почувствует себя
Не только дух, но даже раб земной...
«Эй, — кто живой?! Ни ворона, ни крысы...
Гадюка проблеснула по бархану,
Как жалкий отголосок Божьей мысли...
Кто прячется во мгле?!»
«Я — тень твоя!..
Твоя судьба по имени Иуда!..»
«А-а... Это ты... Меня предупредили,
Что ты живуч... Ты сделаешь своё...»
«Бессмертен дух! — и тень его бессмертна!..
Но тень имеет свойство отделяться...
Да и судьба, как зеркало времён,
Живёт своей неуловимой тайной...»
«Ты знаешь больше, чем дано рабу.
Чтоб не прослыть в легендах слабовольным,
Бог как бы отвергает всю палитру
Полутонов...
Ты понял, иудей?..»
Так повстречались Небо и Земля.
Добро и Зло соприкоснули крылья.
Два мира параллельных в одночасье
Пересеклись крестом...

Сохнут постиранных тучек простыни...
Божий безумец уходит в пустыни...
А по следам боголепного сына
Вяло хромает приبلудная псина.
Ищет безумец блаженное место,
Месит ногами песчаное тесто.
Псина натёртую лапу замочит,
В спину Мессии по-бабьи завоюет.
Ветры взывают: «Ах, дети вы, дети!
Дети вы, дети! — куда же вас дети?!
Все мы срамны в этом мире убогом,
Все мы равны перед Господом Богом...»
Ветры по-бесью пески подвывают...
Да в занебесье свищи подвывают...
Так и бредут — обречённые, в паре,
Две сироты... Две безумные твари...

Рыжий апостол, замызган и бос,
Задал Учителю робко
Самый существенный полувопрос,
Глупый, как пробка:

«Если разверзнутся хляби и Суд
Всех безымянных разбудит?!»
«А-а, ерунда! — усмехнулся Иисус, —
Хуже не будет.

Видишь? — и месяц прощально поник,
Но от него не убудет...»
«Благослови! — прошептал ученик. —
Хуже не будет...»

На драном лужке в Гефсиманском саду
Сбивались в бараний кружок,
А солнечный спрут в этом райском аду
По-чёрному жёг.

Бесполые юноши вякнули тост
Во здравие рек и хлебов.
«Была бы любовь! — отозвался Христос. —
Была бы любовь!»

Лягушечья желчь исторгалась из уст,
Дымилась испарина лбов...
«Была бы любовь! — отмахнулся Иус. —
Была бы любовь!..»

Вселенская ржа не имеет границ!
И только любви — не распять!..»
А странное облако, падая ниц,
Взмывало опять...

Говорил Назарянин блуднице:
«Замоли перед Богом грехи,
Припади к сероглазой божнице —
К неземному зеркалу реки...

Та река непомерно глубока,
Меж пустынных течёт берегов,
В ней глаза несравненного Бога
Потемнели от ваших грехов...»

И склонилась нагая блудница
К роковому зеркалу реки...
И темнела, чернела божница
От простёртой греховной руки...

Он ей сказал: «Не бойся, ты — жена,
Достоинства мужского половина».
И обвила блудницу тишина,
И эта тишина была невинна.

Он пояснил: «Господние уста
Общаются с объектом бестелесно.
Ты — мотылёк, взлетающий с куста,
Твоя любовь мгновенна и безвестна...»

Сказала дева: «Гефсиманский сад —
Всевышнее томительное поле!..

Ты дал мне жизнь... Возьми её назад...
Я мотылёк, я — бабочка, не боле...»

Стоял июль на солнечных часах,
Ещё вовсю пускала соки плаха,
И тихий ангел плакал в небесах,
Как тайная невидимая птаха...

Внимал Иуда чуждому Христу —
«... познавший грязь — познает чистоту...»
Мрачнел Иуда: ха! — нагая ложь!.. —
«... познав суму, богатство обретёшь...
...в клубке смертей — бессмертной жизни свет...»
...Клубок сетей на целый белый свет!..

«Будь счастливи!» — пожелал Христос Иуде.
Тот усмехнулся: «Вот так мышь на блюде!..
Был слеп осёл в своём ослином счастье,
А что в итоге, кроме волчьей пасти?..
Остались от счастливица — хвост да грива...»
«Пожалуй, так», — сказал Христос игриво.

Христос врубил вопрос ребром,
Спружинил, как змея:
«Предашь — заплатят серебром,
А у тебя — семья!..»

Пусть для землян ты будешь тать,
Пусть пострадает плоть...
Но я молю тебя предать! —
Так повелел Господь!..»

Иуда взмок... Рванулся вон —
В слепое пекло дня...
Его ловил тоскливый стон:
«О брат! — предай меня!..»

Прогнозировал всеми фибрами
Утопическую идею,
Зашифрованными верлибрами
Зачаровывал Иудею.

Но — кишело людское логово.
Но — дороги легли крестово.
Стало ясно, что Богу — Богово,
А бродяге Христу — Христово.

Над Иудеей — ночная дрожь.
Мёрзлая площадь. Бугры халуп.
Пасынок молит: «Прикончим ложь!»
Отчим смеётся: «Ты слаб и глуп!»

Северный ветер. Не повезло.
Месяц от стужи не рыж, а рус...
Пасынок молит: «Прикончим зло!»
Отчим смеётся: «Землянин! Трус!»

Настежь раскрыты глаза планет.
Пасынок вскрикнул: «Старик и жмот!»
Замерло Небо. Ответа нет.
Замерло Время. Стоит и ждёт.

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

Крест

* * *

Листва в Иудее опала...
Бездомье пришло и опала...
Вся крыша судьбы протекла...

Он молвил: «Послушай, Иуда! —
Теперь мне действительно худо, —
Рискни, приюти до тепла...

Мне худо, ты слышишь, Иуда?
Что далее — голод, простуда,
И, может быть, даже — арест!..»

Иуда взмолился: «Учитель!
Ты — мученик наш и мучитель!
Спасенье для гения — крест!..»

Без лишних упреков и прений
Ушёл успокоенный гений,
Убрёл от людского тепла...

А зимней природы опала
Дождями и снегом опала...
Вся крыша Земли протекла!..

ДВОЕ

Маленькая поэма

*Иисусе на плахе
От пылающих глаз Сатаны
Глаза отвёл...*

*

Возник земной искус
В зелёной сини:
Глазастый Иисус —
Господен Сыне.
Духовностью влеком,
С мечтой о благе,
Ступает босиком
По тёплой влаге.
Светлейший луч сквозной —
Его молитва,
Что ангельской слезой
В пути полита.
С восхода отдан весь
Цветам и гнёздам,
Несёт земную весть
Господним звёздам.
Кто воет позади?! —
Шакал ли, бес ли?
Казни, но пощади,
Отец Небесный!
Удушья тяжкий слой.
Тяжёлый воздых.
И дьявольской хулой
Оплёван воздух.

*

Иуда темнолиц,
Как ствол осины.
Огневолосый лис
С глазами псины.
Он любит звон ключей
И куш случайный.
Иуда — казначей,
Общинник тайный.
На вечное житьё
Судьбой опознан.
Он ученик её,
Её апостол.
Не клонится к вину,
Не знает гнева.
Но любит он одну...
О Божья Дева!..
Он свят, как благодать,
Он гибче йога.
Что может он отдать?
Лишь только Бога.
Шепнул полночный дух
Обняв Иуду:
«Ты есть один из двух! —
Я с вами буду».

*

Ах, стыдно неземной,
Летучей птахе
Почувствовать спиной
Всю тяжесть плахи!
А плоти жалкий стон?
А слёзы злые?
Небесной жизни сон
И сны земные.
В забвенье пал гонец.
Душа молчала.
Вот миг, когда конец
Явил начало.
Ты выпал из гнезда,
Птенец Вселенной,
Твоя душа — звезда
Во тьме нетленной.
Под млечностью кадил
Завис над бездной.
Казнил, но пощадил
Отец Небесный.
Постиг земную суть —
Пылают кости.
В глазницах — Млечный Путь.
В запястьях — гвозди.

*

Как лунное кольцо,
Как лик божницы,
Надвинулось лицо
Былой блудницы.

От Млечного Креста
Неотдадимы
Молящие уста,
Сны Магдалины.
Ни дева, ни жена,
О Божьем Сыне
Печалится она,
Дитя пустыни.
Меж чахнувших хлебов,
В захлёстах смога,
Зовёт свою любовь —
Живого Бога.
Зовёт душа — не плоть, —
Так зычут гуси:
«Сойди ко мне, Господь!
О, Иисусе!»
А вечности шуга
Воняет тиной.
И адская дуга
Над Палестиной.

Сочатся медовые луны,
Иудово племя хмеля,
Полны виноградные чаши,
Пусты виноградные лозы...

И чудится голос Адама:
«Помилуй, зверину, меня,

Исусе сладчайший и горький,
Что зимние слёзы».

Взошли под луной
Отдалённых дождей зеленыя...
И всхлип соловья
Повторяет сердчишко мимозы...

Сухой, как земля,
Тугой, как змея,
Иуда безумен
В изломе священного транса,
Он тайной гортанной клеймён,

И ходит по кругу
Сладчайшая чаша
Пространства,
Горчайшая чаша
Времён.

Запричитал Иуда:
«Только я
 любил тебя!
Так мудрая змея
Младенца человеческого любит,
И кольцами теснейшими голубит.
Чтоб не был ты
 наивен и смешон
На ложе нашей пагубной подружки

Я! —

воровато поднял капюшон,
Пошёл и предал тайные пирушки!
Чтоб не томился ты, как Божий перст,
Земное горе не хлебал горстями

Я! —

проводил тебя на Божий крест,
Прибил к покою Божьими гвоздями!

Учитель! —

Что же делать мне теперь? —
Стонать и выть, как проклятому зверю?..»

И он завыл, тихохонько, как зверь...

И я поэт, ему, как зверю, верю.

На Голгофском холме закачалась креплёная Кресть.
Скрежетали во мгле растревоженных высей кресала.
Принял казнь на земле, дабы райскую силу обрести.
Отмирали глаза, но душа в сей же миг воскресала.

Вспыхнул голос небес и в дурманных долинах потух:
«Трепещите, стада! — Был я пастырем грозным —
и буду!..»

И шепнул палачу Иисус, испускающий дух:
«Отойди... не мешай... я спешу... я молюсь за Иуду...»

* * *

Да рухнет груз веков на черепушку плотника,
Который обтесал корявый этот крест!
Ни среза под спиной, ни ямки подлокотника,
Видать, всему виной чумной небесный трест.

В мертвецкие пески — по облачному рóспаду —
Уносит Херувим хрустальный стон в горсти:
«Иудушка, прости! Ты верой служишь Господу!..
За дьявольский искус, Иудушка, прости!..»

Прохрупали грома преломленными сучьями,
Уже распята мысль и лопается сердце!
И праведный палач познал глазами сучьями
Смещение времён, где имя Жизни — Смерть!

* * *

Покуда шли суды да пересуды,
Пока писалось тридцать три листа,
Христос признал земную суть Иуды,
А тот признал небесного Христа.

И на кресте воскрикнул обречённый:
«Ты весь во мне, как ласточка в огне!..»
И повторил предатель обличённый:
«Ты — весь во мне!..»

Братались кровью Рай и Преисподня,
Прощаясь и прощая болево:
Простил Господь предателя Господня, —
Постиг предатель Бога своего.

* * *

Пышных сионских мужей телеса.
Стаи летучего гнуса.
Слышат ли в гибельный час небеса
Боль Иисуса?..

Каплет на голову птичий помёт.
Ужас клубится под кожей.
Жалостный Ангел над ухом поёт:
«День-то — погожий!»

Если бы смог Ты, без Ангела, сам,
В день этот синий влюбиться!
Но вознеслось и ушло к небесам:
«Сыноубийца!..»

Бьётся на плахе безумный истец! —
Выгнул костлявую спину!..
Сполохом молний ответил Отец
Блудному сыну!

Сквозь предсердье прямо в сердь,
В сердце, вскормленное кровью,
Как змея, проникла смерть,
Наречённая любовью.

Из пробитых смертью рук,
В том забвении глубоко,
Уходила, как недуг,
Жизнь, дарованная Богом...

Сгустки сдавленных зубов...
Боль посмертного оскала...
Так отцовская любовь
Сына Божьего ласкала.

Говорит Иисус Христу:
«Ты предал мою плоть кресту
В этом сдавленном адском круге!

Там, где Бога увидел ты,
Вижу я Сатаны черты,
Осязаю на горле руки...»

Отвечает ему Христос:
«Я лопатками в бездну врос! —
Тесно мне в человеческой шкуре...

И тебя я предал кресту,
Потому что дано Христу
Смерчем быть во вселенской буре!...»

И вздохнуло нутро раба:
«Да, своя у богов судьба...»

И кровь, и пот...
Святые мухи...
И над, и под —
Сквозные муки...

А гогот рыл
Страданья множит...
Христос — бескрыл! —
Взлететь не может!..

Уже прелюд, —
Вершина боли!..
Ах, глупый люд, —
Ослепли б, что ли!..

Но туч клубок
Назад вернулся —
Как видно, Бог
Уже очнулся:

«Ты, что — бескрыл?! —
Побойся Бога!..
Ну? — воспарил?!
Ещё немного!..»

Кровяные плащаницы облаков.
Млечный Путь — как чужемирный амулет.
И похрустывает ржавчина оков
На живых мощах — на щиколотках лет.

Бог смеётся: «Видишь, сыне? — мир таков...»
Дьявол хнычет: «Настрадались мы уже!..» —
И похрустывает ржавчина веков
На Христовой — обезглавленной — душе.

Всё небо духи перегладили
Калёным адским утюгом.
А Бог завис на перекладине,
В астрале смрадном и тугом.

Слепой слезой Земля отплавала...
Ликуй, Галактика! — труби! —
Убит Господь руками Дьявола,
Во имя Веры и Любви.

КНИГА ПЯТАЯ

«В пустынном песке забвенья...»

* * *

Сцепили земные звенья,
Глумясь, подвели итоги.
В пустынном песке забвенья
Христос омывает ноги...

Грядущих веков затменья...
Грядущих миров разрухи...
В пустынном песке забвенья
Христос умывает руки.

* * *

Преткновенья камень,
Ты — сродни горбу.
Камень — в стенах камер,
Камень — на гробу.

Все под грузом канем,
И — душа чиста.
Самый тяжкий камень
На спине Христа.

Простим тому всеславному индусу,
Что процедил, стирая пот со лба:
«Лишь тень Иисуса верила Иисусу
И шла за ним до смертного столба...»
Он ошибался, тот восточный гений,
Не ощутил связующую нить,
Ведь жизнь Иисуса не имела тени,
И смерть Иисуса не имела тени,
Чтоб тенью этот мир не осквернить.

Это кличет в проводах сирий ветер,
Это жалобно зовут, зычут гуси...
Это сказка для детей: «Мир наш светел!..»
Это сказка для людей: «Иисусе...»

Оземлился на мистическом блюде,
И века застопорились, провисли...
Ты кочуешь на облезлом верблюде
По барханам человеческой мысли...

Где оазисы Любви?! — поищи-ка...
Не порхает ли вдали Божья манна?..
И песчинку пожирает песчинка
Под стопами Твоего каравана.

Утро — солнечным венчиком —
В дождевом парике.
Дева с младенчиком
Идёт по реке.

По задумке художника —
Сквозь радугу лет —
Золочёного дождика
Серебряный след.

Словно трепет бубенчика
Под Господней рукой,
Лепет младенчика
Парит над рекой.

Исусов было семеро —
В глазах стояла стынь.
Пришли Исусы с Севера,
Из северных пустынь.
Сошли в пустыни южные
Вселенной лепестки...
За ними плыли вьюжные
Смиренные пески.
Исусы были жалкими
Среди земной среды.

Исусов били палками,
Лизали их следы.
Счастливыми слезинами
Светились их глаза,
Свистела над низинами
Вселенская гроза.
И лето жгло безводное,
И был дикарь живуч,
И тело инородное
Следило из-за туч.
Пришли Исусы с Севера,
Где ни снегов, ни льдин.
Исусов было семеро,
А облик-то — один!
И в том едином облике,
Зерцале бытия,
Как в нелюдимом облаке,
Таится боль моя...
Таится жизнь моя...
Таится смерть моя...

ПОСЛЕКНИЖИЕ

Поэт и Бог

Поэт и Бог скитаются по свету,
Без денег, без повозок, без поклаж.
Сума и посох — как судьба Поэту,
А Богу — блажь.

«Омойтесь, гости! Отдохните с нами!...»
Забулькает в котле ягнячий бок.
Закусывают молча с чабанами
Поэт и Бог.

Высотные луга. Снега и льдины.
Седые волкодавы давят блох.
И чудится, что в помыслах едины,
Поэт и Бог.

* * *

Под выдохи Ильи-Громовика
Журчала речь — небесная водица:
«Ты должен умереть, чтоб возродиться,
И жить — века!..»

Ищи, Поэт, свой крест или осину! —
Из мук произрастают имена!..»
Так пасынку... то бишь земному сыну,
Бог нашептал в былые времена...

Под выдохи Ильи-Громовика
Журчала речь — небесная водица...
Взгрустнул Поэт... Ах, дёрнул чёрт родиться!..
Прожить бы день... На что ему века?!

* * *

Набухли вселенские дрожжи,
Всё месится тесто.
Покинь крестовину, о Боже! —
Отдай моё место!..

Я тоже гвоздями изранен,
И отступа — нету.
Будь щедрым, Иус Назарянин! —
Дай место Поэту!

Облачные рóспади.
Лик луны — белёс.
Засвети, нам Господи,
Троицу берёз!

Вечная дороженька.
В небе — ни души...
Озари нас, Боженька!
Страхи приглуши...

То ли ветер мается
Во поле пустом?
То ли Божья Мамица
Стонет под крестом?

Облачные рóспади.
Млечный Путь — белёс...
Плачу, сын твой, Господи,
Кровью вместо слёз!

* * *

Всё больше морщинок на старой Луне,
Эпохи спешат, семена...
Подайте, подайте беспутному мне! —
Во имя святого меня!..

Гнилую картошку пекут на золе
Бродячие ангел и бес...
Подайте, подайте беспутной земле
Во имя святейших небес!..

* * *

Умолк вечерний птичий гам,
Вечерний птичий гам...
А Бог проходит по лугам,
Проходит по лугам...

Луга в туманной синеве,
В туманной синеве...
А Бог скрывается в траве,
Скрывается в траве...

— Отче!..

Хочу оторвать от земли преклонённые очи!..

— Сыне!

Ты можешь ослепнуть от праведной солнечной сини!..

— Отче!..

Дозволь заглянуть в непроглядные пропасти ночи!..

— Сыне!

Душа охладится от лунной губительной стыни!..

— Отче!..

Какая дорога к тебе, по-земному, короче?..

— Сыне!

Последуй за тем, кто блуждает в житейской пустыне!..

— Мне стыдно, Отец мой...

Я глаз от земли не поднимаю...

— Люби свою землю!

...Люби свою землю!..

Сгусток Солнца гениальный,
И времён тугая нить...
План Природы генеральный
Никому не изменить.

От Природы — страсть и роды,
Вечный труд и забытьё...
Даже Бог — дитя Природы,
Щедрый вымысел её.

Людмила Осокина

О КНИГЕ ЮРИЯ ВЛОДОВА
«ЛЮДИ И БОГИ»

«Люди и боги» — главная книга Юрия Влодова, наиболее полно отражающая мироощущение поэта и масштаб его дарования. Он начал писать стихи для неё где-то в середине семидесятых и продолжал всю жизнь. Получилось — ни много ни мало — тридцать три года (заметим, ровно столько, сколько Христос жил среди людей). Писал Влодов и на другие темы, но последние десять лет всё внимание поэта, в основном, было приковано к книге «Люди и боги», так как всё прочее его перестало интересовать.

Написано для этой книги очень много, но пока трудно назвать точное количество произведений, потому что бóльшая часть архива поэта, к сожалению, ещё не разобрана. Можно только предполагать...

Конечно, свою ценность имеет всё, что есть в рукописях, но даже по той части, которую удалось представить в настоящем издании, можно судить об уникальности созданного Юрием Влодовым. И речь идёт не только о талантливых стихах, но также и о грандиозности замысла поэта, значимости темы и проблем, имеющих общечеловеческое значение.

О чём эта книга? — О Боге и Дьяволе, о Христе и Иуде, о Марии Магдалине, о Деве Марии и Иосифе-плотнике, о Понтии Пилате, о взаимоотношениях Бога и человека, человека и Дьявола. Но, несмотря на то что в основу книги заложены библейско-евангельские сюжеты, это отнюдь не религиозные стихи.

Влодов свободен от всяких религиозных догм в написании своих поэтических картин. Он, конечно, придерживается библейской истории в целом, следует ей, но не повторяет точь-в-точь. Он переосмысливает всё происшедшее, смотрит на некоторые события с различных, порой даже противоположных точек зрения. Его мало интересует вера, он занят поиском истины. Поэтому «Люди и боги» — это книга философская, которую пишет поэт-мыслитель, пытающийся понять и разгадать великие тайны Бытия.

Влодов далёк от религии на протяжении всей работы над книгой. Напомним, что в середине семидесятых годов прошлого века в нашей стране религия была под запретом, повсеместно царил атеизм, а в церковь ходили только старушки, сохранившие несмотря ни на что веру в Бога. Прочие если и заходили в церковь, то только из любопытства. Ведь тогда даже слово «Бог» в печати старались избегать, а там, где это было в каких-то случаях совершенно необходимо, писали с маленькой буквы.

И Влодов в этом плане ничем от основной массы не отличался, так же не верил в Бога, как не верили в него многие, и даже не задумывался — почему. Просто так было положено, так было принято, так было всегда, во всяком случае, на его веку.

Странно как раз другое: почему он начал в те атеистические годы писать на библейскую тему? Что его подтолкнуло? Ведь он был абсолютно светским человеком и никогда никаким богоискательством не занимался.

Возможно, он в своем творчестве подошёл именно к этой теме как раз потому, что всё, связанное с религией, было под запретом, а ему хотелось нарушать всяческие запреты.

Но тем не менее, начав работать в русле этой запретной тематики, он к персонажам своих произведений относился

не как к божественным, священным, а скорее как к героям древних мифов и легенд, героям вымышленным, созданным воображением народа.

А поскольку герои были вымышленными, он как художник считал, что имеет право делать с ними всё, что пожелает. И эту свою позицию Влодов практически не меняет до конца своих дней.

Когда Юрий Влодов обратился к библейской тематике, он, скорее всего, понимал, что написанное им в этом ключе вряд ли когда будет опубликовано. Не мог же он в те годы предполагать, что советская власть скоро рухнет и религия займет в жизни общества свое место. Но продолжал писать. Для него запретная тема, возможно, была даже более привычна, чем какая-то другая, так как его имя в любом случае было под запретом.

Началась перестройка, всё переменялось, казалось бы, самое время ему и объявиться со своими «божественными» стихами. Но не тут-то было! Теперь те же самые люди, которые раньше осуждали Влодова за увлечение библейской тематикой, объявили его произведения излишне смелыми, острыми и даже кощунственными.

Но в том-то и дело, что именно стихи Влодова никак нельзя назвать кощунственными, потому что поэт работал над этой темой с атеистических позиций и относился к своим героям как к мифическим персонажам. И лучший ответ на все эти нелепые обвинения — влодовская строка «А разве можно вымысел предать?».

А если говорить о самом Влодове, он никогда не предавал выбранного пути в творчестве, своего поэтического предназначения ради каких-либо других, возможно, более нужных и престижных дел.

Он остался поэтом до конца, несмотря ни на какие коллизии, происходящие с его страной и с народом. Он не понимал, как можно, будучи поэтом, всерьёз заниматься политикой или бизнесом или просто усердно трудиться где-то и кем-то, зарабатывая себе на хлеб насущный. Всё это отнимает силы, забивает голову различными проблемами, крадёт у творчества драгоценное время. Да и не сможет истинный поэт заниматься какими-то иными делами. Это ведь настолько чуждо поэтической натуре...

Также он не представлял, как люди творческих профессий могут всерьёз верить в Бога. Влодов считал, перефразируя классика, что творчество и религия две вещи несовместные. Религия — это смирение, а для настоящего творчества нужна внутренняя свобода.

Поэтому всех этих перелицевавшихся безбожников, в одно мгновение ставших святошами, он просто презирал, смеялся над ними и, естественно, не верил в их чудесное преображение. Сам же всегда оставался тем, кем и был изначально, — поэтом, для которого творчество превыше всего остального. Он не собирался в угоду вдруг резко изменившемуся отношению к религии в нашей стране отказываться от решения своих творческих задач. И эта его позиция достойна уважения.

Собственно, религия, основанная на запретах и смирении, никак не могла бы стать путеводной звездой в жизни Влодова, даже если бы он не был поэтом. Он никаких запретов, никакого насилия над собой не выносил. И, в любом случае, был человеком нерелигиозным, несмотря на то что писал на библейскую тему. Об этом надо помнить, читая книгу «Люди и боги».

А по поводу самой книги хотелось бы сказать следующее. Как дети порой сильно отличаются от своих родителей, иногда

даже являя собой их полную противоположность, так и стихи в книге «Люди и боги», несмотря на то что поэт сам был неверующим, являются истинно божественными стихами, продиктованными Гласом Божьим, и имеют не только литературно-художественное значение, но и философское и даже пророческое звучание. Эти стихи недостаточно просто читать, получая чисто эстетическое удовольствие, их следует расшифровывать, уметь правильно понять заложенный в них скрытый смысл, тайну, предвидение. Порой представляется, что это и не стихи вовсе в классическом понимании, а некие пророческие тексты, изложенные в стихотворной форме. Поэтому можно сказать, что «Люди и боги» — не просто поэтическая книга, а всё-таки нечто большее. Ведь и Библию можно рассматривать одновременно и как литературное произведение, как сборник мифов и легенд. Её изучают и с этой позиции тоже.

Итак, «Люди и боги»... Собрание божественных, но не религиозных стихов. Порой представляется, что они Влодову продиктованы напрямую оттуда, из Высших сфер, а поэт прекрасно слышал Глас Божий. Бог, по-видимому, предпочёл обратиться к людям простым и надёжным способом — через Поэзию. Ведь, как известно, Бог — это Слово, а Слово — это Бог, а всё, что сверх того, то от лукавого...

Бог проникает в душу каждого человека, и, по большому счёту, нужны ли Ему какие-то посредники (включая и церковь?). Ведь сказано же: молитесь в себе. Пожалуй, единственным посредником для передачи людям Воли Божьей может стать только Поэт, слышащий и записывающий Его Глас. Думаю, что Юрий Влодов и был как раз из таких поэтов. И именно в его поэзии Слово Божье звучит во всей своей первоизданной прелести и чистоте.

Несколько слов о названии книги. Почему Юрий Влодов назвал свой главный труд «Люди и боги»? Точно сказать не могу, Когда Влодов начал писать для этой книги, мы ещё не были знакомы. Но нельзя не заметить, что в то время такое название звучало очень современно. И о Боге тогда никто вот так не писал. Это сейчас многие о Боге пишут, а в 70-е годы прошлого века стихи на библейские сюжеты просто завораживали своей смелостью, необычностью, новизной.

Кстати, иногда я с удивлением замечаю, что в некоторых случаях, когда публикуют подборки стихов из этой книги, то берутся править название: не «Люди и боги», как решил автор, а «Боги и люди». Почему так делают, трудно сказать. Может, из из раболепия перед богами? Наверное, считают, что поскольку боги более могущественные, чем люди, значит, и в названии должны стоять на первом месте. Это недопустимо — менять авторское название, глубоко продуманное.

Возможно, возникает вопрос: всё-таки почему Влодов слово «люди» в названии поставил на первое место, а «боги» на второе?

Ну, во-первых, это его личное дело: как захотел — так и поставил. А во-вторых, это, по-видимому, говорит о принципиальной позиции по отношению к героям этой книги. «Люди» в его книге — это главное, это реальные существа, а «боги» — лишь плод их людского воображения.

Теперь хотелось бы сказать о составе книги.

Как я уже говорила, стихов для неё написано довольно много, поэтому говорить о книге в целом пока что сложновато, так как не собраны вкуче все её тексты. Но это не имеет такого уж большого значения, потому что, всё, что ему положено было сказать этой книгой, он уже сказал.

Главное уместилось в нескольких десятках творений, а остальное можно без особого ущерба оставить и за кадром. Возможно, потом, по мере их появления из рукописей, они будут как-то разнообразить и дополнять ключевые тексты. Но, в принципе, остальные стихи из этой книги можно считать лишь вариациями, перепевами, того, что уже сказано.

Итак, пока что я составила небольшой сборник примерно из восьмидесяти стихотворений, которые собраны в семь разделов, названных книгами. Но, по сути, это небольшие циклы по двенадцать-пятнадцать стихотворений. В некоторых случаях — больше, где-то — меньше. Возможно, впоследствии, я добавлю в этот маленький сборник некоторое количество стихотворений: от двадцати до пятидесяти, а может, и нет. Скорее всего, будет два варианта этой книги: краткий, который представлен настоящим изданием, и более основательный — стихотворений на двести-триста.

Думается, и тот и другой варианты имеют право на отдельное и даже на независимое существование, так как каждый выполняет свои определенные задачи. Краткий вариант — это, скорее всего, Глас Божий, то, что хотели сказать Высшие Силы в рамках этого, так сказать, проекта «Люди и боги».

Эта главная книга Влодова выросла из его философских раздумий. Поэтому философские стихи я собрала в первый раздел, назвав его «Предкнижьем». В разделе практически нет стихов на библейско-евангельскую тему, но именно в них Влодов брал разбег на что-то большее, так сказать, нащупывал тропу к главной теме.

Вообще, тема «Люди и боги» довольно широкая, в сборник с таким названием можно включать стихи не только о Боге, но и из других его книг.

Разделы неслучайно названы «книгами», а не циклами, и продиктовано это в первую очередь тем, что саму книгу «Люди и боги» Влодов позднее, когда в ней собралось довольно много стихов, стал называть «многокнижием». Соответственно разделы в ней должны называться книгами. И это правильно. Ведь стихи, там собранные, настолько насыщены особой, астральной энергией, настолько многогранны, многоплановы, что даже сравнительно небольшие подборки создают впечатление полноценной многостраничной книги.

Составление и разделов, и книги в целом — дело непростое. Но это надо было сделать. Чем я руководствовалась при составлении? Конечно, логикой событий, происходящих в этих стихах и описывающих в первую очередь историю Христа. А она, как и любая другая история, имеет начало, развитие и завершение. Поэтому основу этой книги от раздела «Я думаю, Иисус писал стихи...» до раздела «Крест» удалось выстроить довольно легко. И эти три раздела, включающие стихи с описанием евангельской истории, можно было бы издать отдельной книгой, либо объединить в один цикл, да и вообще обойтись без двух первых и двух последних разделов. Но, думаю, эти четыре дополнительных раздела придали книге необходимую целостность и завершённость.

Потому что, если даже говорить о земной жизни Христа, то, конечно, с одной стороны, она завершается вместе с его смертью на кресте, и вполне логично выглядят последние строки из последнего стихотворения раздела «Крест» «Всё небо духи перегладили...»:

Убит Господь руками Дьявола
Во имя Веры и Любви.

Но, если вдуматься, земная история Христа на этом не кончается. Происходит подведение итогов его земного бытия, идет осмысление его миссии, и начинается его новая жизнь на земле теперь уже в ипостаси не человека, но Бога. Поэтому раздел «В пустынном песке забвенья...» также вполне логичен в этой книге.

А «Явился Бог среди бела дня...» и «Поэт и Бог» — это разделы, выводящие читателя за пределы собственно евангельской истории. Ведь в книге «Люди и боги» сюжетная линия, связанная с Иисусом Христом, безусловно, главная, но не единственная.

Ведь помимо Иисуса Христа, Бога-Сына, есть ещё и Бог-Отец, который намного значительнее, намного величественнее Христа. Он — Творец этого мира и его настоящий владыка. Он был и до Христа, и будет после, и будет всегда. А Христа Влодов воспринимает скорее как равного себе, как брата, как товарища по несчастью. И даже в какой-то мере уподобляет себя ему.

Поэтому после «Предкнижья» — цикла философской лирики, книга продолжается разделом «Явился Бог среди бела дня...», в котором Влодов ещё только нащупывает подходы к главному вершителю судеб — Богу-Отцу. И, собственно, к нему направлены в первую очередь все обращения, и воззвания, и даже претензии поэта. Поскольку именно Он — главный. И Христос тоже зависит от его воли.

В «Послекнижии» основным адресатом Влодова снова становится Бог-Отец. Пройдя вместе с Христом все круги земного ада, поэт словно возвращается опять для продолжения беседы к Богу-Отцу, но уже на другом, более высоком уровне. Тон обращения с Богом уже определён и не вызыва-

ет сомнений. В таком тоне он и будет затем говорить с ним, и в дальнейшем такой стиль распространится и на другие стихотворения.

«Послекнижие», таким образом, совершенно логично завершает малую книгу «Люди и боги» и, в то же время — может положить начало развитию основной сюжетной линии в большой книге «Люди и боги».

Хочу остановиться на стихах, в которых звучит тема НЛО. Как и зачем они попали в книгу «Люди и боги»? Конечно же, не случайно, а по определенной причине.

Из всего непознанного и загадочного Влодова заинтересовало только НЛО. Он верил в реальность инопланетных цивилизаций и считал, что даже вся история Христа — это всего лишь, по словам поэта, *эксперимент иномирцев* (как он называл инопланетян) *на религию*. Он считал, что все ключевые фигуры в истории человечества были не людьми, а биороботами, присланными на нашу планету и управляемыми некими существами из космоса, так сказать из высших сфер. Ну и Христос в их числе. То, что Христос — биоробот, нередко проскальзывает в стихах Влодова.

Но прежде чем поэт соединит тему НЛО с историей Христа, он будет прорабатывать её отдельно. Поэтому и появится вначале стихотворение «Природы звериного слуха...» — об инопланетном корабле, зависшем над одной из российских деревень. (Об этом случае даже писали в газетах.) А маленькое стихотворение «Над пышностью искусств, над сухостью наук...» на первый взгляд гораздо менее значимое, чем многие другие, на самом деле звучит как вызов, как прямое обвинение иномирцам в том, что они используют нашу Землю и людей, её населяющих, в своих, по-видимому, не

вполне благовидных целях, высасывая из нашего мира энергию и не давая человечеству и планете развиваться должным образом.

Над пышностью искусств, над сухостью наук,
Как будто где-то вне, в абстракции, вдали,
Вселенство во плоти, настырно, как паук,
Сосёт из года в год живую кровь Земли.
Спаси людей, любовь от непотребных мук,
От жизни исцели, от смерти исцели.

Вот за это стихотворение Влодов и получил, как он сам выразился «по мордám». После его написания он в тот же вечер оступился и скатился кубарем с какой-то очень крутой лестницы, разбив при этом себе лицо и голову. Долгое время потом ходил в бинтах. Он считал, что это «они» его так наказали.

Влодов и себя считал биороботом, находящимся в контакте с иномирцами: при его участии пришельцы проводили *эксперимент на поэзию* (но вот на поэзию ли?).

Перейдём к образному строю книги «Люди и боги». Образ Христа является одним из центральных образов в этой книге. На нём всё завязано. Влодов изучает Христа с разных позиций, предлагает читателю различные версии его происхождения, его миссии на Земле, и версии эти порой довольно противоречивые. Но это неудивительно. Книга «Люди и боги» писалась несколько десятилетий, менялось время, менялся сам автор, и менялось его отношение к своим героям и к этой теме в принципе.

И хотя Влодов все годы оставался верным своим атеистическим взглядам но, если вдуматься, так ли это? Даже если

у поэта не особо менялась его внутренняя убеждённость, но изменилась ситуация вокруг него, и он не мог не учитывать этого в процессе работы над своей книгой.

Ведь произошла перестройка, в результате которой гонения на верующих прекратились и религия в жизни общества заняла официальное место. И государство, и люди стали возвращаться к вере. И с этим немаловажным фактом тоже надо было считаться. Но как Влодов должен был на это реагировать, вот в чём вопрос.

Естественно, он не стал вдруг истово верующим, не бил себя в грудь, доказывая свою причастность к православной пастве, показывая, что да, раньше он ошибался, не верил в Бога, а вот теперь — переосмыслил свою позицию и встал на правильный путь. Так поступали многие, но не Влодов.

Как он сказал, настоящий поэт всегда левый, он всегда за бортом, всегда за цензурой, всегда по ту сторону, по ту. Вот и в новой ситуации он опять оказался левым, опять оказался по ту сторону.

Тем не менее после возвращения веры в жизнь нашей страны он уже по-другому стал относиться к своим персонажам. Если раньше они были для него абсолютно мифическими, даже сказочными героями, то теперь стали более реальными, что ли.

Но вернёмся к образу Христа. Какие версии его происхождения рассматривает Влодов? Основных три: Христос — Сын Божий, Христос — человек, Христос — биоробот.

В ранних стихах о Христе преобладает версия о том, что Христос — биоробот. И всё, что с ним происходит на Земле, это всего лишь эксперимент инопланетян, а Бог-Отец — командир космического корабля. Назову некоторые стихи, в которых Влодов пишет о пришельцах: «Пустыню искра-

ми осыпал НЛО...», «Гомер, природа, Бетховен и Автор», «Сын плотника, придумавшего крест...». Ну и конечно же, особое место в этой череде занимает, триптих-гипотеза «Иномирец», в которой поэт прямо говорит о том, что Христос — биоробот и его прислали к нам иномирцы.

К версии о том, что Христос — человек, Влодов обращается не столь активно, но всё-таки обращается. История Иисуса Христа, конечно, и поэтична, романтична, и прочее — но всё равно где-то в глубине души у поэта гнездится сомнение: а правда ли всё это? Существовал ли Христос на самом деле, был ли он Сыном Божьим, либо иномирцем, биороботом, и вообще — есть ли Бог? Как знать... Конечно, всему этому можно и верить, но ведь прямых-то доказательств нет, а предполагать можно что угодно. Страшно спускаться с небес на землю, отказываться от различных сказочных и чудесных версий, но...

А если ничего и никого:
Ни Господа, ни Дьявола, ни рока,
И лишь одна короткая дорога,
Где слёзы ветра брызжут веково.
(«А если ничего и никого...»)

Сомнения звучат и в стихотворении «Прогнозировал всеми фибрами...». Поэт опять поднимает вопрос о небожественном происхождении Христа:

Но... кишело людское логово,
Но — дороги легли крестово,
Стало ясно, что Богу — Богово,
А бродяге Христу — Христово.

Здесь он называет Христа никак не Богом, а просто бродягой, который в итоге был сурово наказан, потому что пошёл против устоев общества, сеял смуту. Его окружение решило использовать трагическую ситуацию с выгодой для себя и продлить жизнь всей этой истории. Поэтому пошли и...

Оторвали от плащаницы,
Отодрали кровавый струп,
Ходко выкрали из тайницы,
Исказнённый штырями труп.
И зарыли в вражьи срез,
И завывали: «Христос воскрес!»
(«Оторвали от плащаницы...»)

В этих стихах Влодов, отбросив всякую поэтичность и тайну, прямо и нелицеприятно говорит о том, что там, по его мнению, произошло. Вот где его неверие проявилось в полной мере. Правда, он надолго на этой версии не останавливается, так как она его как поэта мало привлекает.

И больше всего он пишет, опираясь на версию о божественном происхождении Христа. Не только потому, что это совпадает с официальной точкой зрения, а просто потому, что эта версия даёт больший простор для его поэтического воображения. Всё-таки Влодов в первую очередь художник, поэт, а не учёный-историк. К слову, версия с НЛО в какой-то мере им уже отработана, да и в начале девяностых она уже не столь нова, поэтому менее привлекательна для Влодова. В эти годы, в годы возвращения религии, версия о божественном происхождении Христа представляется более современной, более интересной, чем все остальные. И Влодов с воодушевлением берётся писать в этом русле. Правда, версия кос-

мического появления богочеловека нет-нет да и вплетается в его повествование.

Главное внимание поэта в стихах с божественным образом Христа обращено на взаимоотношения Христа с Богом-Отцом. Отношения, конечно же, непростые и весьма далёкие от идеальных. Христос в стихах Влодова не хочет быть просто агнцем на закланье, он ропщет на Бога, который послал его на землю на ужасные муки. Звучит тема жестокости Бога-Отца к собственному сыну, которому он уготовил мучительную и позорную казнь на кресте. И получается, если он с собственным сыном так поступил, то что от него ждать простым смертным?

Бьётся на плахе безумный истец,
Выгнул костлявую спину...
Сполохом молний ответил Отец
Блудному Сыну!

(«Пышных сионских мужей телеса...»)

А со своим окружением Христос у Влодова, как говорится, славный малый. Он добродушен и снисходителен ко всем, кто рядом с ним; по мере возможности, делает добрые дела. Но в то же время старается ничем не выделяться среди простых людей, скрывает своё божественное происхождение и свою силу, чтобы не напугать, никого от себя не оттолкнуть. Не отказывается он и от земных радостей: пьёт вместе со всеми вино, не чурается женщин, он так же, как и другие, отягощён заботами и печалью и не пытается избегать этих тягот.

Почти всё у него, как у человека. Но именно — почти. Бог ведь не может быть человеком по определению, даже если

очень захочет. И эти причины Влодов тоже исследует в своих стихах. И это касается не только Христа, но Бога-Отца. В Пред-
книжье есть два стихотворения о той же самой проблеме, но уже касающейся Бога-Отца: почему надо следовать сказан-
ному «Богу — Богово» и не нужно обретать человеческие чер-
ты, да и вообще лучше держаться от людей подальше. Об этом
говорится в стихах «Явился Бог средь бела дня...» и «В глуши
веков какой-то Бог...».

Во всей нарочитой простоте в Христе есть что-то инород-
ное, чужое, ненастоящее, неземное, что настораживает лю-
дей. Да и проповедует он какие-то странные вещи. Ему не до-
веряют.

Внимал Иуда чуждому Христу —
«...познавший грязь, познает чистоту...»
Мрачнел Иуда: ха! нагая ложь! —
«...познав суму, богатство обретёшь...
...в клубке смертей — бессмертной жизни свет...»
...Клубок сетей на целый белый свет.

(«Внимал Иуда чуждому Христу...»)

Земной, рациональный ум Иуды не может понять всех этих
хитросплетений. Для него белое — это белое, а чёрное — чёр-
ное, и иначе быть не может. Поэтому невольно возникают
мысли: что-то здесь не так, Христос не тот, за кого себя выдаёт.
Что нужно «успеть предать его первым», пока он их не предал.

Иуда горяч и смугл.
Шагал из угла в угол,
Шагал из угла в угол,
Терзал запотелый ус.

А мысль долбила по нервам:
Успеть бы предать первым!
Суметь бы предать первым!..
Пока не предал Иус!
(«Иуда горяч и смугл...»)

Ещё один адресат поэта — Сатана, Дьявол. Какое место он занимает в поэтической иерархии Влодова? Оказывается, поэт относится к нему с гораздо большим уважением, нежели к Христу или даже к самому Богу-Отцу. Для Влодова Сатана выше, значительнее Христа хотя бы потому, что является более древним персонажем и, если можно так выразиться, старше Христа, — и даже только в силу старшинства по времени появления Влодов не может для себя признать равными Сатану и Христа, а уж тем более, поставить Христа выше Сатаны. Христос для него всего лишь жертва в руках более могущественных сил: Бога-Отца и Сатаны. Влодов даже не до конца уверен в божественном происхождении Христа.

Но даже если он и Сын Божий, то для Влодова из всей этой божественной троицы, включая Сатану, — Христос стоит на самой низшей ступени.

Сатана для поэта фигура куда более значительная, потому что является воплощением Высшей Силы, и ничего человеческого, земного в нём нет изначально, а стало быть, это персона другой, более высокой ипостаси.

Конечно, Влодов не ставит Сатану выше Бога-Отца, Бога-Творца, но в своём внутреннем, поэтическом мире он гораздо больше уважает Сатану, чем Бога. И не только уважает, но и сочувствует ему как жертве, как пострадавшему от про-

извола другой, более могущественной сущности — Бога-Отца. Влодова в первую очередь притягивает венец страданий, мученичества на главе Сатаны, так же, как и на евангельском персонаже — Иуде. Он готов защищать страдальцев, готов им сочувствовать. А безвинно они пострадали или по заслугам — не имеет для него большого значения.

Возможно, Влодов в какой-то степени отождествлял себя с ними, видел в их страданиях, гонениях прообраз собственных мучений и гонений, поэтому именно жертвы, страдальцы, особенно страдальцы непокорные, были ему ближе. Бог-Отец для него в таком случае хуже Сатаны, потому что он имеет возможность судить и карать, а сам никакому суду неподвластен.

Бог немилостив. Бог — жесток:

«Знайте, хилые, свой шесток!»

Дьявол набожен. Дьявол тих:

«Пойте, милые, Божий стих...»

Дьявол жгущие слезы льёт.

Тихо плавится Божий лёд.

(«Бог немилостив. Бог жесток...»)

К Богу, как и к любому другому власть имущему, поэт относится плохо, не доверяет ему, предъявляет претензии как к любой официальной власти. Но иногда он всё-таки нисходит до сочувствия и к Богу, потому что начинает понимать, насколько тяжела она, шапка Мономаха. Но сочувствие к Богу возникает у Влодова только тогда, когда сам он окажется в похожем положении, в роли некоего поэтического бога, которому нет равных. Он — на вершине, как поэт всего достиг, но взамен приобрёл только вселенское одиночество, такое же, как у Бога.

Бог мается. Он одинок.
Миры, как щенята у ног.
Ни жизни ему, ни одра —
Бессмертная мгла и хандра.
Ни ровни ему, ни любви,
Ни Бога, зови не зови.

(«Бог мается...»)

Что до отношения к Иуде, то Иуду Влодов жалеет, сочувствует ему, в первую очередь как жертве, как мученику.

Спаситель на кресте. Иуда — на осине.
Все муки на земле пред Господом равны.

Поэт считает, что Иуда пострадал гораздо больше Христа. Иисус всего лишь день промучился на кресте до своей земной смерти.

А Иуда обречён на вечные муки, и не только на земле, где к нему после смерти прилепилось позорное клеймо «предатель», но и там, за пределами жизни, он обречён на вечные адские муки. Что может быть ужаснее? А так ли уж велико преступление Иуды по сравнению с его наказанием? Наказание явно неадекватно содеянному.

Не спится той осине
Средь шелеста и гуда,
Всё думает о сыне
По имени Иуда.

Не он ли шёл на муки,
Глотнув святого чада,

Божественной науки
Помеченное чадо?

(«Не спится той осине...»)

Но Влодов в этом вопросе идёт дальше. Он не только считает, что наказание Иуды чрезмерно, он даже высказывает предположение, что тот вообще ни в чём не виноват. И развивает эту мысль в двух направлениях. Во-первых, если даже Иуда и предал Христа, то есть сдал властям, то поступил правильно, так как Христос, по тогдашним законам Иудеи, — смутьян и безбожник, а Иуда как законопослушный гражданин сделал то, что должен был сделать любой на его месте: указать, где скрывается преступник. Он просто исполнил завет своего истинного Бога Яхве.

И топнул Яхве: «Встань! Очнись, плебей!
Яви, Иуда, преданность сыновью! —
И страшно крикнул: Выродка убей!
Убей урода и упейся кровью!»

(«И топнул Яхве...»)

Таким образом, по законам древней Иудеи обвинять Иуду не в чем, он не только не совершил предательства, а наоборот, сделал богоугодное дело.

А по другой версии, которую рассматривает Влодов, Иуда обязан был предать Христа, не мог он его не предать, потому что так было predetermined Богом. Развитие событий с предательством и казнью было predetermined, каждому в этой истории была отведена своя роль, и никто ничего не мог изменить. Иуда оказался всего лишь игрушкой в руках Высших Сил. Вот на что уговаривает его сам Христос:

Пусть для землян ты будешь тать,
Пусть пострадает плоть,
Но я молю тебя предать,
Так повелел Господь!

(«Христос врубил вопрос ребром...»)

В книге «Люди и боги» немало места отводится также образу евангельской блудницы Марии Магдалины. (Влодов называет её просто Магдалиной). Конечно же, и в этом случае Влодов не стал трактовать образ Магдалины в традиционном русле, по Писанию, а в большом стихотворном цикле по-новому осмыслил роль этой женщины в библейской истории.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	5
Тимур Зульфикаров. Первосвидетель (Фрагменты эссе)	7

Предкнижье. «Я заглянул в зеркало Бытия...»

«Я заглянул в зеркало Бытия...»	11
«— Кто толчётся у дверей...»	11
«Мне назойливая муха надоела...»	12
«Бурый ворон!...»	12
«Я ворону крикнул...»	12
«Вечная тема моя...»	13
«Обшарпан и нелеп...»	14
«Как хороша над морем лунность!...»	14
«Среди катастроф и смещений...»	14
«Считай судьбу наукой!...»	15
«Торчало солнце смешным бугром...»	15
«Со скоростью света наука...»	16
«Судьба Венере обрубила руки...»	16
«Венера ударила бога!...»	16
«Старец говорит...»	17
«Природы звериного смысла...»	18
«Алкаш в этот вечер...»	19
«Пустыню искрами осыпал НЛО!...»	19
Гомер, Бетховен, Природа и Автор	21
«Над пышностью искусств...»	22

КНИГА ПЕРВАЯ. «ЯВИЛСЯ БОГ СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ...»

«Явился Бог среди бела дня...».....	23
«В глуши веков какой-то Бог...»	25
«В порыве человечей простоты...».....	26
«Поставили Богу дурманный поднос...».....	27
«Два близнеца — Господь и Сатана...».....	27
«Дьявол хмыкнул и упёрся в два бока...»	28
«Хрупка, пуглива Богородица...».....	29
«Когда всосала водяная яма...».....	29
«Гром возревел...».....	30
«Ной поджался...».....	30
«И душу, и тело недугом свело!...»	31
«Сын плотника, придумавшего крест...»	31
«Когда Христос, иль кто он там ещё...»	32

КНИГА ВТОРАЯ. «Я ДУМАЮ, ИСУС ПИСАЛ СТИХИ...»

«Я думаю, Иус писал стихи...».....	33
«Гремучей змеёй изогнулся Иус...»	33
«Как любила Христа Магдалина!...».....	34
«Когда тащила римская военщина...»	34
«И топнул Яхве...»	35
«Иуда — горяч и смугл...»	35
«Переплелись пути добра и зла...».....	36
«Есть версия о том, что у Пилата...»	36
Иудова баллада	37
«Иуда взял бездарно — серебром...»	38
«Всё скрестилось...»	38
Иномирец (<i>Триптих-гипотеза</i>)	39

КНИГА ТРЕТЬЯ. «ЕДЕТ СПАСИТЕЛЬ НА ДРАНОМ ОСЛЕ...»

«Странные слухи о странном после...».....	41
«Из песков — жара утробья...».....	41
«Такая жуть, такая дичь в пустыне...».....	42
«Сохнут постиранных тучек простыни.....».....	43
«Рыжий апостол, замызган и бос...».....	43
«На драном лужке...».....	44
«Говорил Назарянин блуднице...».....	45
«Он ей сказал: “Не бойся, ты — жена...”».....	45
«Внимал Иуда чуждому Христу...».....	46
«“Будь счастлив!” — пожелал Христос Иуде...».....	46
«Христос врубил вопрос ребром...».....	47
«Прогнозировал всеми фибрами...».....	47
«Над Иудеей — ночная дрожь...».....	48

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ. КРЕСТ

«Листва в Иудее опала...».....	49
Двое (<i>Маленькая поэма</i>).....	50
«Сочатся медовые луны...».....	53
«Запричитал Иуда...».....	54
«На Голгофском холме...».....	55
«Да рухнет груз веков...».....	56
«Покуда шли суды да пересуды...».....	56
«Пышных сионских мужей телеса...».....	57
«Сквозь предсердье прямо в сердь...».....	58
«Говорит Иисус Христу...».....	58
«И кровь, и пот...».....	59
«Кровяные плащаницы облаков...».....	60
«Всё небо духи перегладили...».....	60

КНИГА ПЯТАЯ. «В ПУСТЫННОМ ПЕСКЕ ЗАБВЕНЬЯ...»

«Сцепили земные звенья...»	61
«Преткновенья камень...»	61
«Простим тому всеславному индусу...»	62
«Это кличет в проводах сирий ветер...»	62
«Утро — солнечным венчиком...»	63
«Исусов было семеро...»	63

Послекнижие. Поэт и Бог

«Поэт и Бог скитаются по свету...»	65
«Под выдохи Ильи-Громовика...»	66
«Набухли вселенские дрожжи...»	66
«Облачные роспади...»	67
«Всё больше морщинок на старой Луне...»	68
«Умолк вечерний птичий гам...»	68
«Отче!»	69
«Сгусток Солнца гениальный...»	70

Людмила Осокина. О книге Юрия Влодова

«Люди и боги»	71
---------------------	----

Литературно-художественное издание
Серия «Поэтическая библиотека»

Влодов Юрий Александрович

ЛЮДИ И БОГИ

Выпускающий редактор

Лариса Спиридонова

Корректор

Ирина Машковская

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Подписано в печать 03.07.2012.

Формат 70х108^{1/32}. Усл. печ. л. 4,2.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ № 443.

«Время»

115326 Москва ул. Пятницкая, 25

Телефон (495) 951 5568

<http://books.vremya.ru>

e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>, e-mail: book@uralprint.ru

**Публикации в поэтических подборках
журналов и газет разных лет:**

«Дружба народов», «Арион», «Смена»,
«Юность», «Сельская молодежь»,
«День и Ночь», «Дети Ра», «Клуб»;
«Литературная газета»,
«Московский комсомолец»,
«Новая газета» и другие.

**Подборки стихотворений в поэтических
альманахах и сборниках:**

«Илья», «Истоки»,
«Приют неизвестных поэтов»,
«Тени странника», «Эолова арфа».

Книги

1996 — Крест. М.: Издание журнала «Юность».

2007 — Люди и боги. М.: Издание Московского союза литераторов.

2009 — Юрий Влодов: Стихи. Биография.

Библиография. М.: Издание Союза писателей Москвы.

2009 — На семи холмах. М.: Московские учебники и Картолитогрфия.

Премии

Лауреат премий

журналов «Смена», «Юность»,

альманаха «Илья».

Каждое стихотворение поэта Юрия Влодова
есть кирпич, заложенный в основание
современной русскоязычной поэзии.
Доброго пути, брат мой, Юрий!

Борис Пастернак

Мощь этого поэта в том, что он идёт
не от книг, а от самой жизни и потому,
несмотря на вневременные темы, всегда
современен. А что до поэтической школы,
то она у него своя, что в литературе
большая редкость.

Александр Солженицын

Эта книга, которая столько лет ждала своего
читателя, вся исполнена выстраданного света,
ибо свет миру чаще всего исходил из страдания
и сострадания, и не иначе.

Равиль Бухараев

[HTTP://BOOKS.VREMYA.RU](http://books.vremya.ru)